

Часть I
**ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1917–1956 гг.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение исторической психологии российского общества важно для исследователей в силу нескольких причин. Апелляция к мнению народа, ссылка на него для оправдания революций и реформ — обязательный атрибут любой политической акции. Оценить, что является здесь мифологемой, а что подлинным свидетельством — непреложное условие «вчувствования» в эпоху. Это во многом позволит и разобраться в крайне сложном и запутанном споре «ревизионистской» и «тоталитарной» школ историков — споре о том, была ли советская модель навязана российскому обществу различными партиями и политическими группами, или она являлась продуктом «творчества масс», закономерным, хотя и непредвиденным итогом осуществления их целей.

Понять явление — значит понять тот источник, посредством которого нам дано его увидеть. Там, где чтение источников становится трудным, где нет поверхностности взгляда — там прошлое быстрее проявится во всем богатстве своих красок и многообразии феноменов. Будет иначе — и событие предстанет перед нами в мистифицированном облике. Попытки вернуть ему ясность с помощью изоэренных интерпретаций многого не дадут. Мы обречем не простоту истины, а усложнение того, что спорно. Особенно это касается документов по истории политической психологии социальных низов — одного из самых сложных и еще малоизученных видов исторических источников. Они обычно требуют «двойного» зрения, чтения между строк. Их всегда нужно читать, улавливая порой едва заметные противоречия в текстах, очищая ядро информации от риторических наслоений, отделяя позднейшие интерпретации от конкретных описа-

ний событий их современниками. Историк необходимо здесь выяснить, имеет ли он дело с подлинными взглядами людей, не маскируют ли они свои политические оценки, опасаясь репрессий, не искажены ли сведения об их позиции информатором вследствие фрагментарности его впечатлений. Он должен определить, что перед нами — «ситуативные» настроения, ежедневно менявшиеся или прочные убеждения, расхожие клише, которыми передавали свои неотчетливые аморфные представления или формулы, адекватно отражавшие логику тех, кто ими пользовался.

Источники для изучения психологии российского общества уже не раз привлекали к себе внимание исследователей, но сколько-нибудь подробный их анализ, свободный от цензурных стеснений и иллюстративности, предпринимался крайне редко. Зачастую прежде документ оценивался только по его содержанию — но вне реального исторического фона. Очевидные противоречия источников и их догматических толкований во многих случаях не вели к новым гипотезам и не разрушали старых версий — они или замалчивались или приводили к изъятию ряда документов из «научного оборота». Лишь в последнее время в работах отечественных исследователей наметились новые подходы в изучении источников по истории советского общества. Прежде всего было обращено внимание на то, каким целям служил тот или иной политико-психологический документ, на условия его возникновения, очевидные или понятные лишь после тщательного текстологического анализа приемы его фальсификации. Было много сделано для выявления подтекста документов — при этом значение имело не столько их содержание, сколько реакция на них других лиц, оценка того, являлись ли они «сигналом» для государственных и иных учреждений. Особо пристально рассматривались социально-экономический, политический и идеологический контексты, в которых надлежало оценивать документ. Это, помимо прочего, обуславливало и переоценку уже прежде известных исторических свидетельств — даже в том случае, если их содержание не было фальсифицировано посредством редакторских и цензурных манипуляций с текстом. Лексика, идеологические штампы, специфика речи, часто повторяющиеся образы в различных текстах начали изучаться для того, чтобы лучше представить механизмы унификации

политического сознания как в первые послереволюционные годы, так и в последующие десятилетия. Оговорка — привычный инструмент историка — стала использоваться не для маскировки новаторских или идеологически неприемлемых выводов, но по своему прямому назначению: для обозначения сомнений и поиска исследователей.

В данной книге представлены образцы анализа различных комплексов документов государственных, партийных и общественных организаций Северо-Запада советской России в 1917–1956 гг., содержащихся в петербургских и новгородских архивах: переписка, доклады агитаторов, политические сводки «ревтроек», протоколы профсоюзных собраний, протоколы собраний организаторов (секретарей) коллективов РКП(б), личные документы коммунистов. Ими, конечно, не исчерпывается все богатство источников для изучения политической психологии российского общества. Вместе с тем, выбор этих документальных сводов не случаен: их детальный разбор еще не стал предметом специального исследования, некоторые из этих документов привлекались прежде историками как иллюстративный материал. Вырванные из текста отдельные строки должны были придать живописность повествованию и наделить его надлежащей истинностью. Очень редко предпринимался анализ лексики и, тем более, риторики источников. То же можно сказать и о материалах прессы — не всегда объективно оценивались структура и стиль ее сообщений, имеющих существенное значения для определения их происхождения, авторства и степени их достоверности. Особое место в данной книге занимает анализ дневников И. А. Бунина и мемуаров З. Н. Гиппиус. Его цель — показать, как присущие им диапазон художественных средств, поэтика, стиль, и наконец, даже эмоциональный накал, личные пристрастия и антипатии определяли соотношение «поэзии» и «правды», вымысла и реальности в созданных ими произведениях. Легче всего обнаружить в их сочинениях субъективность и односторонность — труднее объяснить, почему это произошло. «Эссеистичность» данного раздела книги, весьма заметная по сравнению с другими ее частями, и была попыткой своеобразного «вчувствования» в мир художника, с помощью присущего ему языка.